

Положение беженцев из Беларуси
в центральных губерниях России
в годы Первой мировой войны
(1915–1917 гг.)

Виталий Г. Корнелюк

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь, zrumljowa@mail.ru*

Аннотация. В статье обращается внимание на такой аспект истории вынужденной миграции из Беларуси, как длительный период пребывания беженцев-белорусов в городах и селах более чем тридцати губерний Российской империи. В статье обращается внимание, что сам характер взаимоотношений беженцев и местного населения был обусловлен мероприятиями помощи мигрантам, создания условий их социальной адаптации, исключения социальной напряженности, которая могла возникнуть из-за комплекса проблем, вызванных самим беженством как массовым экстремальным явлением. На основе архивных материалов, материалов российской периодической печати военного времени, автор делает вывод о том, что в ходе вынужденного длительного нахождения за пределами родных мест, которое длилось до девяти лет, беженцы-белорусы находились в обстоятельствах, способствующих обострению национальных черт в условиях, стимулирующих осознание своей этнической отличности.

Ключевые слова: вынужденная миграция, беженцы-белорусы, национальное самосознание, социальная адаптация беженцев, Первая мировая война

Для цитирования: Корнелюк В.Г. Положение беженцев из Беларуси в центральных губерниях России в годы Первой мировой войны (1915–1917 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 96–105.

The Plight of Refugees from Belarus in the Central Provinces of Russia during the First World War (1915–1917)

Vitaly G. Korneljuk

*Yanka Kupala Grodno state University, Grodno, Belarus,
zrumljowa@mail.ru*

Abstract. The article draws attention to such an aspect of the history of forced migration from Belarus as the long period of Belarusian refugees' stay in cities and villages of more than thirty provinces of the Russian Empire. The article draws attention to the fact that the very nature of the relationship between refugees and the local population was caused by measures of help to migrants, creating conditions for their social adaptation, excluding social tensions that could arise due to the complex problems due to the fleeing itself as a mass extreme phenomenon. On the basis of archival materials, the materials of the Russian periodicals of wartime, the author concludes that during the forced long stay outside the native places, which lasted for up to nine years, Belarusian refugees were in circumstances that contribute to the aggravation of national traits, in conditions that stimulate awareness of their ethnic difference.

Keywords: forced migration, refugees-Belarusians, national identity, social adaptation of refugees, the First World War

For citation: Korneljuk VG. The Plight of Refugees from Belarus in the Central Provinces of Russia during the First World War (1915–1917). *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:96-105.

Введение

Новейшие исследования и большой объем новых архивных источников позволяют проанализировать характер взаимоотношений беженцев-белорусов и местного населения в контексте новой миграционной государственной политики российского руководства в 1915–1917 гг.

Особенности географии расселения беженцев-белорусов

Вынужденные мигранты белорусских губерний попадали в различные регионы империи. В частности – в списках реэвакуированных, которые прибывали в Гродно уже в составе Польши, на протяжении 1921–1923 гг. – упоминание о городах тридцати различных губерний [Государственный архив Гродненской области, г. Гродно. Ф. 46. Оп. 2. Д. 4. Л. 49–53]. Для сравнения, по сведениям, которыми в июле 1917 г. оперирует Гродненское отделение Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны, 622 тысячи беженцев из Гродненской губернии расселялись по 18 губерниям и по области войска Донского [Национальный исторический архив Беларуси, г. Гродно (НИАБ г. Гродно). Ф. 1213. Оп. 1. Д. 1. Л. 42; Л. 40–43 об.].

Стремление к обеспечению социальной адаптации вынужденных мигрантов

Проанализируем осуществление миграционной политики в отношении беженцев из Беларуси, руководствуясь критериями социальной адаптации мигрантов [1, с. 40]. Ее достижение сулило гражданский мир и спокойствие во взаимоотношениях местного и беженского населения. С 1915 по 1917 г. процесс социальной адаптации беженцев из Беларуси действительно происходил, и во многом благодаря высокой нравственности тех, кто непосредственно работал с беженцами [НИАБ г. Гродно. Ф. 109. Оп. 1. Д. 4. Л. 22 об.]. Примером вдумчивой организации являются скрупулёзные проверки в отношении массовых заявлений о материальной помощи [НИАБ г. Гродно. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 2. Л. 65–72; Л. 74–74 об.]. Для принятия решения по каждому обращению проводилась проверка [НИАБ г. Гродно. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 2. Л. 111, 112–117 об.].

С другой стороны, анализ, например, деятельности Правления Хвольнского уездного отделения Всероссийского Российского комитета помощи жертвам войны в Саратовской губернии, члены которого за пять заседаний с 14 июня по 26 июля рассмотрели 73 беженских прошения, из которых удовлетворили 62, отказав остальным с очень подробными объяснениями и предложениями, показывает, что данная работа велась со всей тщательностью [Государственный архив Саратовской области, г. Саратов. Ф. 611. Оп. 2. Д. 2. Л. 123–126 об., 127–128, 116–121, 129–129 об., 130–132].

На местах, лицом к лицу с самими беженцами, такие действия были составной частью той социальной среды, которая в определенной степени способствовала процессу социальной адаптации беженцев.

Предпосылки и обстоятельства социокультурных взаимоотношений беженцев и местного населения

Работа была залогом выживания беженцев и их семей. Одним из условий этого было владение русским языком. Свою роль здесь играли национальные беженские организации [2 с. 2]. И языковой вопрос в проблеме трудоустройства ими, например, польских беженцев, был не на последнем месте [Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск (НАРБ г. Минск). Ф. 4. Оп. 1. Д. 128., Л. 26 об.].

Беженцы-белорусы также по-разному справлялись со своим далеко не безупречным владением русским языком [3 с. 252; 4, с. 77]. Ведь белорус был активным носителем своего, белорусского языка, а беженская судьба забрасывала его нередко в совершенно иноязычную среду, из которой мигранты просили переселить их [ГАСО. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 10. Л. 305]. Но подавляющее большинство беженцев постепенно научилось говорить по-русски [5 с. 123, 307].

Были в многотысячном беженстве и другие случаи, когда определенным катализатором самообразования беженцев становился другой мир, в котором они оказались. «Не зная русского языка и говоря на беловежском наречии», как вспоминала 9-летняя Н. Руско из местечка Беловеж, она «не тратила желания познать города, посещать многочисленные церкви, знакомиться с улицами города и набережной Волги» [5 с. 344]. Маленькая Т. Данилюк из д. Орля (Гродненская губ.) «научилась хорошо говорить по-чувашски», другой, как В. Потапович из д. Бобіна-Старина (Гродненская губ.), «быстро овладел татарским языком».

«Сначала беженец, – отмечает А. Гулин, – в чужом и отчужденном по национальности городе чувствует себя полностью растерянным, зачастую просто не зная русского языка» [6 с. 27]. Выходу из этого положения беженцев, которые «жили, одновременно, в среде субкультуры мигрантов и сталкивались ежедневно со средой культуры большинства», способствовала система беженского просвещения [7 с. 68]. Национальное образование было в руках национальных организаций, русскоязычное – в ведении общероссийской системы образования. Министерство народного просвещения 31 июля 1915 г. распорядилось, чтобы занятия для беженцев нерусской на-

циональности «велись... с учетом особенностей в отношении языка преподавания и закона веры», и учителями из числа беженцев [8 с. 196]. Например, в феврале 1916 г. в Н. Новгороде четыре ученицы-католички посещали Сусанинскую частную женскую гимназию, а еще пять учились в частном реальном училище, и такие примеры не единичны [ГА РФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об., 7 об.].

Рядом со школьным просвещением шла религиозная поддержка беженцев. Так, Особое совещание в Петрограде признало целесообразным «для каждой заселенной беженцами-католиками губернии начиная с третьей четверти 1915 г. определять... определенное количество ксендзов...» [9 с. 273]. Хотя, конечно, никакой идиллической картины не было. Крайне тяжелое положение, на грани выживания, ставило для большинства беженцев под вопрос саму возможность образования их детей.

Одной из наиболее эффективных форм решения проблем адаптации мигрантов является добровольная организация их компактных поселений. В расселении белорусских мигрантов придерживались такого принципа. По переписи 1917 г. из 34 губерний с беженцами наиболее заполненные – Екатеринославская (14%). Самарская (13,1%), Тамбовская (10,2%), Саратовская (10,1%). Харьковская (7,4%). Это – более 50% всех беженских хозяйств [20 с. 2, 10, 18, 26, 34, 42. *Подсчет наш.* – В. К.]. Добавим сюда беженцев из Владимирской, Калужской, Московской, Петроградской, Рязанской, Симбирской губерний. Это – 30,9% от всех беженских хозяйств [10 с. 2, 10, 18, 26, 34, 42. *Подсчет наш.* – В. К.]. Близкие показатели концентрации количества беженцев-белорусов из Тамбовской, Саратовской, Рязанской, Владимирской губерний мы можем отметить в ведомости ходатайств в Московскую Центральную комиссию в 1918 г. [11 с. 3]. Правда, такая концентрация совсем не означала факта сплоченности среди беженцев. Читаем об этом у представителя Белорусского Национального Комиссариата по Саратовской губернии: «...Не будучи объединенными, беженцы-белорусы не смогли представлять из себя чего-либо определенного и в политическом отношении. Белорусы католики, находясь на попечении польских организаций, считали себя поляками, кое в чем разбирались. А белорусы православные, называя себя просто русскими, не интересовались ни политикой, не положением своей родины, той родины, вернуться в какую у них было единственной мечтой, и представляли из себя инертную массу» [НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 4].

Заметим, что в процессе определенного самопознания беженцев свою роль играл фактор впечатления от новых для них культур. Ведь крестьянство, которое, по данным переписи 1897 г., составля-

ло 76,7%, жило ближним окольным миром [12 с. 19]. Беженство придало этому малоподвижному миру движение: 155 бывших беженцев бывлой Гродзенской губернии, по их воспоминаниям, жили в 32 губерниях и областях России [13; *Подсчет наш.* – В. К.]. И первое впечатление на беженцев произвели жалость и благодушие со стороны местных. Крестьяне Ардатавского уезда Нижегородской губернии в 1915 г. в большинстве случаев отказываются брать из уездной управы деньги за перевоз беженцев от железнодорожной станции к месту их нового обитания [14 с. 6]. Крестьяне д. Языково Уфимского уезда оперативно нашли выход в создании столовой на 200 посадочных мест, приспособив для этого новое помещение местной больницы, за два дня сделав надлежащий ремонт [15 с. 3]. Про доброту, отзывчивость и доброжелательность местного населения к беженцам мы имеем 77 фактов упоминаний таких отношений в 155 воспоминаниях беженцев бывшей Гродненской губернии [5 с. 15–486]. Даже некоторая реклама на страницах газет второй половины 1915 г. информировала о 5–10% скидках на товары и услуги при условии, что покупать их будут беженцы [16 с. 9–13]. Заметим, что факты раздражительности, жалоб и недовольства со стороны местного населения, не портят общего впечатления от первичной реакции [17 с. 55; 18 с. 20–21].

Весь период сосуществования беженцев и местного населения породил массу примеров разного рода воздействия, влияния, заимствования. 10-летнему А. Акачуку из д. Рогачев запомнилось, что сосед-татарин «делился... всем, что сам имел». О том, что «очень приятные там люди были: мисками и верцехами нам кушать приносили», Е. Онищук из гродненской д. Гусаки вспоминает со слов родителей, так как сама была во время беженства грудным ребенком. О. Белемук из д. Ставишчи вспоминает: «Когда мы впервые приехали в город (Рогачев), местные люди нам ничего не жалели. “Это – для беженцев”, – говорили. Каждый ел сколько хотел» [5 с. 16, 32, 40]. В письме, подписанном от имени тридцати одного беженца из Гродно, оказавшихся в селе Новый Ягорлик Ставропольской губернии, можно прочесть, что «отношение местного населения к беженцам хорошее» [ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 7. Л. 7–7 об.]. А в приговоре одного из бурятских собраний сообщалось, что «для размещения беженцев отводим четыре дома с отоплением и светом. ...Каждый из нас обязуется данному приговору взять к дому одного человека из беженцев» [19 с. 11]. Жители одной из деревень Белбеевского уезда Уфимской губернии решили взять к себе 259 беженцев. «...Надо помочь бедолагам», – говорили бакалавские крестьяне [20 с. 3].

Самообразование беженцев, было одним из аспектов взаимоотношений с местным обществом. «Польские крестьяне – одни из самых лучших в мире – не пьют, трудолюбивые и религиозные... – отмечала в своей работе биографического содержания английский медсестра А.В. Турстан [21, с. 90, 97]. На странице «Калужского курьера» в тексте беседы с местным калужским крестьянином упоминается впечатление простых людей от трудолюбия беженцев: «Спросите какого-нибудь мужика, как работают беженцы и услышите: «Ничего. Хорошо идут...» [22, с. 2]. Беженцы-крестьяне на селе виделись настоящей помощью в сельскохозяйственной работе, поэтому, когда первая нервозность от переезда и расселения на новом месте исходила, беженцы «с населением сближались... сильнее...» [23 с. 4].

Бросались в глаза беженцам из белорусских краев различия чужого хозяйственного уклада. «Снопов не ставили. Клали просто на землю на крест. ...Когда мой отец объяснил своему хозяину, как это у нас делается, тот одобрил идею и похвалил его за это», – вспоминает А. Логвинюк из д. Ставищи [13 с. 239]. Много упоминаний в воспоминаниях бывших беженцев-белорусов об особенностях местного кулинарного искусства [5 с. 226, 239, 270]. С этими воспоминаниями беженцев бывшей Гродненской губернии перекликаются факты из тогдашней российской прессы [24 с. 6]. «Наш запад более культурный за восток, поэтому с волной беженцев к нам идет и культура», – подчеркивает автор «Калужского курьера» [25 с. 4].

Такая географическая мозаика умноженная на количество тысячи беженских впечатлений от нее, может рассматриваться как существенный фактор влияния на мировоззрение этих людей, где одним из его последствий становилось более обостренное, более сознательное ощущение беженцами своей этнической отличности, самобытности.

Заключение

Исходя из всего отмеченного в жизни вынужденных мигрантов из Беларуси в русских губерниях в течение 1916–1917 гг. можно утверждать, что хотя государственная российская миграционная политика в отношении эвакуированных и беженцев из Беларуси не ставила специальной задачи их социальной адаптации на местах их временного пребывания, сами действия, которые помогали этим мигрантам, а также продолжительный процесс повседневного взаимодействия с населением новых культур создавали условия для такой адаптации.

Источники

1. Государственный архив Гродненской области, г. Гродно.
2. Национальный исторический архив Беларуси, г. Гродно (НИАБ г. Гродно).
3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО г. Саратов).
4. Национальный архив Республики Беларусь г. Минск (НАРБ г. Минск).
5. ГА РФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об., 7 об.

Sources

1. Archives of Belarus. Grodno.
2. National Historical Archives of Belarus, Grodno (NIAB g. Grodno).
3. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti. Saratov.
4. The National archives of the Republic of Belarus. Minsk (NARB g. Minsk).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii.

Литература

1. *Назарова Е.А.* Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ. М.: Союз, 1999. 140 с.
2. О беженцах // Северный беженец. 1916. № 21. [2 июня]. С. 2.
3. *Букалова С.В.* Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 246–252.
4. *Островский Л.К.* Деятельность польских общественных организаций Томской губернии по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 74–78.
5. Беженства 1915 года. Беласток: Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2015. 576 с.
6. *Гулин А.О.* Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 5. С. 24–28.
7. *Сиротенко А.И.* Специфика социально-педагогической работы с беженцами и вынужденными переселенцами // Новая наука: проблемы и перспективы. 2015. № 6. [Ч.] 1. С. 67–69.
8. *Фомичёв И.В.* Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 355 с.

9. Басов Н.Ф., Аристова О.А. Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. С. 270–274.
10. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года (по 52 губерниям и областям). М.: Гос. изд. 1921. 88 с.
11. Дзянница. 1918. № 33. 7 кастрычніка. С. 3.
12. Шыбека З. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). Мінск: Навука і тэхніка. 1997. 320 с.
13. Беженства 1915 года. Беласток: Праграмная рада тыднёвіка «Ніва». 2000. 416 с.
14. Беженец. 1915. № 4. С. 6.
15. Уфимская жизнь. 1915. 9 окт. № 146. С. 3.
16. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. 1915. № 4. С. 9–13.
17. Казакова О.Ю. Война под стук колес: роль железных дорог в жизни прифронтовой Орловщины // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 53–58.
18. Оренбургское земское дело. 1916. 4 февр. № 4–5. С. 20–21
19. Оренбургское земское дело. 1916. 21 янв. № 3. С. 11.
20. Уфимская жизнь. 1915. 11 сент. № 125. С. 3.
21. Михалёв Н.А. «Величайшая трагедия войны не видна на поле боя»: Беженцы Первой мировой войны в России // Уральский исторический вестник. 2014. № 1. С. 89–99.
22. Калужский курьер. 1915. 5 нояб. № 125. С. 2.
23. Уфимская жизнь. 1915. 3 нояб. № 166. С. 4.
24. Две культуры // Беженец. 1915. № 7–8. С. 6.
25. Калужский курьер. 1915. 24 окт. № 120.

References

1. Nazarova EA. Social adaptation of the forcefully displaced persons and refugees in the context of modern migration policy of Russia. Sociological analysis. Moscow: Soyuz Publ.; 1999. 140 p. (In Russ.)
2. About refugees. *Severnyi bezhenets*. Novgorod. 1916;2:2. (In Russ.)
3. Bukalova S. Policy of encouraging refugees to labor in agricultural sector during the First World War. *Yearbook the agrarian history of Eastern Europe*. 2014;1:246-52. (In Russ.)
4. Ostrovskii LK. The activities of the Polish public organizations of Tomsk province to help the refugees of the First World War (1914–1918). *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija*. 2010;1:74-8. (In Russ.)
5. Fleeings of 1915. Belastok: Pragramnaya rada tydnevika «Niva», 2015. 576 p.
6. Gulin AO. Refugees on the territory of the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces during the First World War. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2015;5:24-8. (In Russ.)

7. Sirotenko AI. Specificity of social-pedagogical work with refugees. *Novaya nauka:problemy i perspektivy*. 2015;6:67-9. (In Russ.)
8. Fomichev IV. Charitable help to refugee children and orphans during the First world war. *The annual theological conference of St. Tikhon Orthodox humanitarian University*. Proceedings. Vol. 1. 2015;25:196-99. (In Russ.)
9. Basov NF, Aristova OA. The Help Experience of refugees in Kostroma province during the First World War. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2008;14:270-74. (In Russ.)
10. Results of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917 (in 52 provinces and regions). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 88 p. (In Russ.)
11. Dziannitsa. Peterburg. 1918 Oct. 7:3.
12. Shibeko Z. Cities of Belarus (60s of 19th – early 20th centuries). Minsk: Navuka i tekhnika, 1997. 320 p.
13. Fleeings of 1915. Belastok: Programnaya rada tydnevika "Niva". 2000. 416 p.
14. Bezhenets. 1915;4:6.
15. Ufimskaia zhizn'. Ufa. 1915. Oct. 9:3. (In Russ.)
16. Data on the evacuated governmental and public institutions. *Bezhenets*. 1915;4:9-13. (In Russ.)
17. Kazakova OYu. War under the noise of the wheels knock. The role of Railways in the front-line life of the Orel region. *Herald of Vyatka State University*. 2014;7:53-8. (In Russ.)
18. Orenburgskoe zemskoe delo. Orenburg. 1916 Feb. 4:20-1. (In Russ.)
19. Orenburgskoe zemskoe delo. Orenburg. 1916 Jan. 21:11. (In Russ.)
20. Ufimskaia zhizn'. Ufa. 1915. Sept. 11:3. (In Russ.)
21. Mikhalev NA. "The greatest tragedy of war is not visible in the battlefield". Refugees of the First World War in Russia. *Ural Historical Journal*. 2014;1:89-99. (In Russ.)
22. Kaluzhskii kur'er. Kaluga. 1915 Nov. 5:2. (In Russ.)
23. Ufimskaia zhizn'. Ufa. 1915. Nov. 3:4. (In Russ.)
24. Two cultures. *Bezhenets*. 1915;7-8:6. (In Russ.)
25. Kaluzhskii kur'er. Kaluga. 1915. Oct. 24. (In Russ.)

Информация об авторе

Виталий Г. Корнелюк, кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь; Беларусь, г. Гродно, 230010, Янки Купалы пр-т., д. 80/2–68; zrumljowa@mail.ru

Information about the author

Vitaly G. Korneljuk, PhD in History, associate professor, Yanka Kupala Grodno state University, Grodno, Belarus; bld. 80/2–68, Janka Kupala st., Grodno, 230010, Belarus; zrumljowa@mail.ru